

ЕЛЕНА СОЗИНА

0000-0002-3810-867X

Уральский федеральный университет

им. Б. Н. Ельцина

Уральский гуманитарный институт

кафедра русской и зарубежной литературы

620083 Екатеринбург

пр. Ленина, 51

es8591@yandex.ru

**ПИСАТЕЛИ-ЭТНОГРАФЫ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
РЕМЕСЛЕННИКИ, ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ,
НОМАДЫ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ?..**

**WRITERS-ETHNOGRAPHERS IN THE RUSSIAN
LITERATURE OF THE 2ND HALF
OF THE 19TH CENTURY: ARTISANS,
POPULARISERS, LITERARY NOMADS?..**

В статье рассматривается феномен этнографической беллетристики, сложившийся в русской культуре второй половины XIX в. Сюда относятся как мало известные авторы, так и писатели более крупные, лишь отчасти связанные с этнографическим направлением, обычно ведущим свое начало от произведений В. И. Даля 1830–40-х гг. Это Ф. Арсеньев, И. Железнов, К. Носилов, П. Инфантьев, А. Круглов, С. Максимов, но также и Ф. Решетников, В. Короленко и др. Специфика их творчества определялась изображением разных сторон жизни народов Российской империи, мест их проживания, рода занятий и пр. Достаточно часто произведения беллетристов строились по общей модели, были схематичны, но они создавались на основе личного опыта и имели важное значение в расширении читательского сознания страны.

Ключевые слова: этнографическая литература, беллетристика, «обыкновенные таланты», просветительство, П. П. Инфантьев.

The article examines the phenomenon of ethnographic fiction which emerged in the Russian culture in the 2nd half of the 19th century. The works of Vladimir Dal dating to the 1830s and 1840s mark the beginnings of this line of writing. The authors who contributed to the genre were little known

figures, like Flegont Arseniev, Ioasaph Zheleznov, Konstantin Nosilov, Porfiry Infantiev, Aleksandr Kruglov and Sergei Maksimov, as well as established ones, including Fyodor Reshetnikov or Vladimir Korolenko, for whom this was not the exclusive form of literary expression. The specific character of their works entails representing various aspects of the life of the many nations of the Russian Empire, describing their places of residence, their occupations and trades. The texts by ethnography fiction writers were quite often fashioned after one model and rather schematic; yet they rose out of personal experience and proved important for expanding the worldview of the reading public in Russia.

Translated from the Russian by Marta Kaźmierczak

Keywords: ethnographic literature, fiction, “ordinary talents”, educational purposes, Porfiry Infantiev.

В русской литературе второй половины XIX в. появляется достаточно новое и актуальное для того времени явление, получившее уже в ту пору в журнальной критике, а позднее в отечественном литературоведении ряд сходных наименований: «этнографическая литература» «этнографическая беллетристика», «этнографическая проза». Ее начало ряд исследователей ведет от 1840-х гг., когда, как писал А. Н. Пыпин, формируется новая наука этнография, и литература «овладевает реально-правдивым изображением народной жизни»¹. Своего рода зачинателем этнографической прозы можно считать В. И. Даля, с 1833 по 1841 г. служившего в Оренбурге и там впервые обратившегося к описанию образа жизни, быта, обычаев различных народов, проживавших в Оренбуржье, а также самой этой местности, экзотической для центральной России. Заметим, однако, что произведения, относимые к этнографической литературе или беллетристике, стали появляться в русской периодической печати гораздо раньше – примерно с середины и второй половины 1820-х гг.² А. Л. Фокеев, автор обобщающего исследования об этнографическом направлении в русской литературе XIX столетия, дает целый ряд отличительных качеств этнографической прозы, как-то:

[...] народоведческий смысл деятельности писателей – глубокое знание жизни народа и непосредственная связь с ним; основные принципы изображения быта в жанре этнографического очерка и рассказа: строгий документализм [...] исследовательское начало в творческом методе писателей, включение в художественную ткань произведений фольклорно-этнографических материалов³.

¹ А. Н. Пыпин, *История русской этнографии*, Санкт-Петербург: типография Стасюлевича 1890, т. 1, с. 424.

² См. об этом: Е. К. Созина, *Этнографическая беллетристика Южного Урала в российской печати 1820–1830-х гг.*, «Филологический класс» 2017, № 1, с. 47–54.

³ А. Л. Фокеев, *Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития*. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва: Московский областной педагогический

В 40–60-е гг. XIX в. этнографическая проза была, главным образом, обращена к изображению жизни и быта русских крестьян и входила как неотъемлемая часть в состав формирующегося народознания – широкой области научного и литературного знания о народе. Ближе к концу века, в 70–90-е гг., а также в начале нового столетия в ней происходят определенные изменения. Во-первых, писатели-этнографы массированно осваивают инонациональные регионы страны, а это не только Север (куда еще раньше начинал ездить С. В. Максимов) и Южный Урал (где бывал В. И. Даль), но и Западная и Восточная Сибирь, Средняя Азия, даже Поволжье с его исконными народами – марийцами, мордвой, чувашами и др.

Так, С. Максимов дает характерное название серии своих книжек о разных народах Российской империи, которые он создавал на протяжении 70–80-х гг., – *Край Крещеного света*, каждая книжка была посвящена тому или иному региону с его жителями: *Мерзлая пустыня*, *Дремучие леса*, *Степи*, *Русские горы* и *Кавказские горцы* и т. д. Одной из этих книг он дал следующий эпиграф: «Край крещеного света; дальше небо досками заколочено и колокольчик не звенит. Туземная поговорка»⁴, обозначив тем самым границу между территориями, освоенными и еще не тронутыми просвещением и культурой. Во-вторых, в эту работу активно включаются писатели и журналисты не только второго, но и третьего-четвертого рядов; они были в процессе и раньше, но теперь их работа получает своего рода легитимный характер. Во многом это было связано с внелитературными причинами – завершением процесса формирования Россией своих имперских границ. В-третьих, этнографическая литература как бы «облегчается», зачастую утрачивает свой высокий пропагандистский накал, теряет многие народнические идеологемы и начинает выполнять иные функции. Ее ведущей разновидностью в этот период становится этнографическая беллетристика. В этом ряду можно назвать таких писателей, беллетристов-этнографов, как С. Максимов, Вас. Немирович-Данченко, П. Мельников-Печерский, А. Писемский, Ф. Арсеньев и более мелкие – такие как К. Носилов, П. Инфантьев, А. Круглов и др. Именно об этой литературе статуса беллетристики и пойдет речь дальше.

Что выделяет или отличает беллетристику от просто литературы? Как считается, она занимает промежуточное звено между классикой и массовой литературой, а Ю. М. Лотман писал о том, что «[...] Понятие массовой

институт 2004, [электронный ресурс] <http://www.dissercat.com/content/etnograficheskoe-napravlenie-v-russkom-literaturnom-protssesse-xix-veka-istoki-tip-tvorchestv> [27.09.2018].

⁴ С. Максимов, *Край крещеного света. Мерзлая пустыня или Повесть о диких народах, кочующих с полуночной стороны России*, Санкт-Петербург: «Общественная польза» 1897.

литературы – понятие социологическое»⁵, т. е. к ней применимы социологический и коммуникативный подходы. Оптимальное, на наш взгляд, определение принадлежит А. М. Грачевой: беллетристика – это «художественная проза, ориентированная на достаточно обширную, так называемую „демократическую“ аудиторию, что обуславливает специфику ее идеологических и эстетических функций»⁶. Рост демократического, массового читателя в России происходит во второй половине XIX столетия, особенно ближе к его концу, и именно на этот период приходится если не рождение, то широкое распространение массовой литературы и беллетристики: спрос порождает предложение.

Кроме обозначенных выше коммуникативно-социологических, существуют и собственно эстетические основания разделения литературы, об этом писали не раз: это работы В. М. Марковича⁷, И. А. Гурвича⁸, А. В. Чернова⁹ и др. В своей книге о беллетристике И. А. Гурвич справедливо говорил: «Литератор тиражирующий – первая разновидность писателя-беллетриста (как и второстепенного поэта)»¹⁰, хотя он же замечал, что тиражировать – не значит давать полную копию, но подчас варьировать и преобразовывать оригинал. Для этнографической беллетристики второй половины XIX в., особенно его последней трети, не менее важно иное свойство, роднящее ее с истоками – «натуральной школой» 1840-х гг. и прежде всего – с русской «физиологией». Это так называемая фактографичность, установка не просто на правдоподобие, но на «дословное» правдоподобие, почти фотографичность или, на языке той эпохи, «дагеротипичность» рисуемой картины жизни – «прямое» слово о действительности. В несколько иной парадигме эту установку этнографической беллетристики можно обозначить как натуралистичность.

В этнографической беллетристике успешно совмещались достоверность (а отсюда тяга к документализму) и литературность (и связанная

⁵ Ю. М. Лотман, *Массовая литература как историко-культурная проблема*, [в:] он же, *Избранные статьи*, Таллинн: «Александра» 1993, т. 3, с. 381.

⁶ А. М. Грачева, *Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: Идеи и жанровые формы*, [в:] *Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза*, Москва: ИМЛИ РАН 2009, с. 545.

⁷ В. М. Маркович, *К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика»*, [в:] *Классика и современность*, ред. П. А. Николаев и В. Е. Хализев, Москва: издательство Московского государственного университета 1991, с. 53–67.

⁸ И. А. Гурвич, *Беллетристика в русской литературе XIX века: Учебное пособие*, Москва: издательство Российского открытого университета 1991.

⁹ А. В. Чернов, *Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века: Вопросы генезиса, эстетики и поэтики*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Новгород: Новгородский государственный университет 1997.

¹⁰ И. А. Гурвич, *Беллетристика в русской литературе XIX века...*, с. 22.

с этим установка на вымысел). Поэтому здесь следует различать задачи, которые идут от научно-познавательного (собственно этнографического) дискурса, и задачи сугубо литературные, связанные с тем, КАК перенести «действительность» в литературный текст, каким должно быть СЛОВО о ней, которому мог бы не просто поверить читатель, но еще и быть заинтересованным реальностью, стоящей ЗА словом. Во многом ориентация беллетристов на чужие схемы, обкатанные литературой модели, мотивы, типы героев и сюжетов была связана не с ограниченностью их таланта, а с установкой на понятность, со стремлением донести до читателя информацию о незнакомой ему земле и чужих народах. Так складывалась своеобразная «формульность» беллетристики, если воспользоваться современным термином. И именно в лоне беллетристики формировалась новая художественность рецептивного типа, которую обычно наблюдают у А. Чехова, да, собственно, чеховское творчество и развивалось параллельно интересующему нас явлению.

Границы между этнографической беллетристикой и массовой литературой остаются достаточно зыбкими. Пожалуй, главное отличие здесь состоит в задачах, которые ставила та или иная формация. Для беллетристов-этнографов, как и для очеркистов (а очерковые жанры были важны для этнобеллетристики), первостепенную роль играли задачи внелитературные, но не сводимые к развлекательным, т. е. «познавательные». Е. К. Ромодановская, говоря о беллетристике XVII в., использовала понятия А. И. Белецкого – «вымысел» и «домысел»¹¹. Очевидно, этнографическую беллетристику отличает от «просто» беллетристики опора на «домысел» а не на вымысел как таковой, – хотя в разных ее типологических разновидностях соотношение этих аспектов могло быть разным. Именно доммысел играл своего рода посредническую роль между заимствованными схемами вымысла и своим опытом наблюдения чужих народов. По отношению к собственно беллетристике говорят также о примате **узнавания** над познанием жизни¹². С этнографической беллетристикой несколько сложнее: она была озабочена именно **познанием** неизведанных уголков России, хотя при отражении в тексте нередко пропускала их через уже известное и узнаваемое. Как «большая» литература пользуется примерно общим набором сюжетов и мотивов, так и этнографическая беллетристика нарабатывала свой репертуар литературных приемов в изображении жизни и быта других народов и регионов, и в него нередко входили определенные картины, сцены, характерные для той или иной местности или этноса: свои – для зырян, воголов, вотяков и т. д.

¹¹ Е. К. Ромодановская, *Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода*, Новосибирск: ВО «Наука» 1994, с. 29–32.

¹² А. В. Чернов, *Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века...*

В творчестве писателей-этнографов последних десятилетий XIX и начала XX в. выделяются разные стилевые течения и разные повествовательные стратегии. Исходным для большинства из них был личный опыт знакомства с жизнью и бытом иных народов (как то и положено этнографу), но различной оказывалась степень применения этого опыта – его встраивания в существующую систему литературных координат и, так сказать, объем проявления своего личного участия в изображаемых картинах (т. е. модальность повествования).

Наметим рассмотрение творчества писателей-этнографов на примере трех авторов: П. П. Инфантьева, К. Д. Носилова и А. В. Круглова. Творчество всех троих приходится на рубеж веков, каждый из них был чрезвычайно плодовит, зачастую перепечатывая свои очерки и рассказы из книжки в книжку с несколько измененными названиями, именами героев и некоторыми деталями сюжетов. Самым заядлым путешественником из них был Носилов. Инфантьев совершил свое главное и наиболее далекое путешествие – в край вогулов (манси) в северо-западной Сибири – вместе с Носиловым в 1892 г., описал его в нескольких книжках, остальные его поездки и путешествия были не столь значительны. А. В. Круглов, перебравшись с родной Вологодчины в Петербург, писал свои книги о зырянах в основном по памяти. Таким образом, настоящим «номадом» из них можно считать лишь Носилова, но, несмотря на упомянутую «формульность» их книг, можем ли мы считать их ремесленниками или, тем более, графоманами? Начнем с Инфантьева.

На протяжении второй половины 1890-х – 1900-х гг. Порфирий Павлович Инфантьев создал целую серию рассказов, очерков, повестей о жизни и нравах народов России – от чукчей и эскимосов Крайнего Севера до узбеков, таджиков, туркмен Юга. Всего было издано более 40 книг и книжечек Инфантьева, завершившихся публикацией в 1911–1912 гг. двухтомного сборника *Жизнь народов России: Этнографические рассказы*. По нездоровью и отсутствию финансов он не мог много ездить и большею частью писал свои произведения по прочитанной литературе, обогащенной фантазией и авторским интересом, публиковались они в дешевых типографиях массовыми тиражами и, вместе с аналогичными вещами других беллетристов-этнографов, занимали важную нишу в тогдашней литературной продукции.

Свой авторский пафос и вытекающие отсюда творческие задачи Инфантьев выразил в предисловии к одной из книг:

В России насчитывают более ста различных племен и народностей. Однако, кроме коренных славянских племен, мы очень мало знаем о других племенах; о жизни же,

быте, нравах, обычаях и верованиях большинства мелких, малокультурных и некультурных народностей, обитающих в пределах нашей родины, мы часто даже и совсем ничего не слышали, кроме разве кое-каких легкомысленных анекдотов. А между тем, и эти народности, эти наши меньшие братья, требуют к себе и к своим нуждам точно такого же внимательного отношения, и даже, пожалуй, большего, чем их старшие братья.

Всякий мыслящий гражданин, желающий знать и понимать истинные нужды и потребности своей родины, должен прежде всего хорошо ознакомиться с теми народностями, которые входят в состав ее населения. [...] Без этого знания нет гражданина, а лишь один бесправный обыватель. И только оно, это знание, может переделать этого обывателя в сознательного гражданина и избавить его от заблуждений и предрассудков, оставшихся со времен дикого варварства, относительно чужих племен и народов, относительно тех, кто «не наш», и заставить его тверже понять и глубже уяснить себе ту великую евангельскую истину, что все люди братья, и что в великой семье народов одни племена разнятся от других не более, чем разнятся братья от одной и той же матери, жившие долгое время раздельно друг от друга в совершенно различных условиях для своего существования¹³.

Таким образом, Инфантьев полагал, что его книги служат формированию у граждан России знаний о многочисленных народах своей страны и тем самым складывают своего рода «домашнюю нравственность» (П. Я. Чаадаев), избавляющую людей, как писал примерно в то же время А. Н. Пыпин, «от господствующего сословного и административного предрассудка и притязания»¹⁴.

Начало этнографической беллетристике Инфантьева было положено очерками, которые он создал по следам своего путешествия 1892 г. с К. Д. Носиловым. Кроме отдельных публикаций в периодике, это две книги – *Путешествие к лесным людям* (1898) и *Путешествие в страну вогулов* (1910). Они имеют наиболее личный характер и наиболее свободны в плане организации нарратива, поскольку написаны в жанре травелога – записок путешественника, где обязательным было изложение дорожных впечатлений и самого путешествия, но содержание этих впечатлений и авторских заметок всецело определялось личностью и опытом рассказчика.

Знакомство с чужим племенем и описание его жизни определяет познавательную новизну очерков Инфантьева и вводит его в ряд беллетристов-этнографов, открывающих перед читателем мир народов России. Но надо сказать, что процесс познания жизни вогулов (т. е. манси) как «других» чаще всего сопровождался преодолением внутреннего сопротивления и довольно тяжелыми переживаниями рассказчика, которые он, хотя и сдержанно, отразил в своих текстах. В ходе путешествия герои не один раз встречают пустые, вымершие паули (деревни). В Оронтур-пауле, где они определяются

¹³ П. Инфантьев, *Этнографические рассказы: из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов*, Санкт-Петербург: издательство А. Ф. Девриена 1909, с. VII–VIII.

¹⁴ А. Н. Пыпин. *История русской этнографии...*, с. 424.

на жительство, их поражает неряшливость, нечистоплотность вогулов, которая в соединении с их потрясающей бедностью создает почти невыносимые условия жизни. Антисанитарию в образе жизни «примитивных» народов отмечали практически все «белые» путешественники по Сибири, Дальнему Востоку и другим регионам, это составляло одну из зон напряжения в их отношениях с «инородцами».

Беллетристические эпизоды, частые в очерковом повествовании Инфантьева, обычно оформляются в русле сентиментально-натуралистического стиля, за которым стоят личные переживания, личный опыт рассказчика. Пожалуй, наиболее проникновенным эпизодом в «вогульской» сюжетике Инфантьева является эпизод, когда русские гости дарят старую рубашку маленькой дочке Степана (одного из самых бедных вогулов, живущего рядом с их временным пристанищем), дабы прикрыть ее наготу.

Это было крохотное болезненное создание с несоразмерно большим животом на тоненьких ножках, с черными, серьезными, никогда не улыбающимися глазами. Весь костюм девочки состоял из нескольких грязных лоскутков – остатков ее прежнего платья, болтавшихся на ее худеньких плечиках, тогда как ноги и живот были совершенно голые. [...] И нужно было видеть, как подействовал наш подарок на этого, не привыкшего к посторонней внимательности, загнанного и запуганного голодом и нуждой ребенка! [...] она сначала побледнела, точно испугалась огромности свалившегося на нее счастья, затем, с самым серьезным, совсем не детским выражением лица, встала среди комнаты и начала степенно креститься и класть земные поклоны, строгим взглядом взрослой, много испытывавшей женщины смотря в передний угол на икону и шепча какие-то слова¹⁵.

В целом, книга Инфантьева сделана по нормам этнографической прозы: в ней воссоздается образ жизни чужого народа, пересказываются вогульские предания, дается представление об их верованиях и мифологическом пантеоне, делаются попытки приблизиться к пониманию национального характера, тесно связанного с окружающим миром природы. А вместе с тем, автор-рассказчик раскрывает свой опыт общения с вогулами, вводит его в сердцевину этнографического дискурса. Как известно, именно через личный опыт пребывания в народной или иноэтнической среде происходило в XIX веке становление и развитие этнографии и антропологии, так что письмо наших беллетристов-этнографов немало способствовало формированию нового этнографического знания.

Но автор не только описывает жизнь чужого народа – он стремится понять причины печального положения и повсеместного вымирания вогулов,

¹⁵ П. П. Инфантьев, *Путешествие в страну вогулов*: с 25 рис., (с фотографиями К. Д. Ношилова), Санкт-Петербург: издательство Н. В. Ельманова 1910, с. 86–87.

размышляет об эпохальных, исторических изменениях в жизни народов, о которых мы можем только догадываться:

Отчего это племя угасает? Истожило ли оно свою жизнеспособность и теперь умирает, повинувшись тем же законам, по которым все в мире рождающееся осуждено на смерть, или тут кроются другие причины, ничего не имеющие общего с законами природы?¹⁶

Отвергая распространенное среди русских пришельцев мнение, что вогулы – «ленивые и злобные дикари», главной причиной сегодняшнего дня автор считает все-таки приход в эти края русских купцов и их бессовестное и беспощадное эксплуатирование наивных и легковверных, вдобавок неграмотных «инородцев», в этом плане его проза, спрос на которую был следствием колониальной стратегии Российской империи, движется в русле постколониального письма.

Как видим, этнографическое письмо беллетристов приближается к науковедческому и может быть рассмотрено как предвестие научно-познавательной литературы XX века, что существенно отличает этнобеллетристику конца века от той, что складывалась в 1820–40-е гг. и обычно относится к «школе В. И. Даля».

Дальнейшие книги этнографических рассказов и очерков Инфантьев писал, в основном, не по личным, а по книжным впечатлениям, выстраивая их по определенной циклической модели. Как отмечал сам автор, он «задался целью дать хотя бы по одному рассказу из жизни каждой такой <малоизвестной> народности, снабдив предварительно этот рассказ кратким очерком быта и нравов этой народности» и полагая, что «составленные таким образом сборники этнографических рассказов могут заменить до некоторой степени и руководства к изучению народностей России и пособия к ним»¹⁷. В беллетризованном рассказе, идущем следом за очерком, обычно излагалась цепочка эпизодов из жизни представителя той или иной народности, репрезентирующая быт и нравы всей общности, причем сами эпизоды брались из разряда извечных событий жизни: сватовство и свадьба, рождение ребенка, добывание еды (охота), смерть. Акцент делался на ритуальной, обрядовой стороне всех жизненных событий, поскольку именно ритуал организует жизнь «примитивных» народов и позволяет сохранять ее стабильность. Порой он варьировал и комбинировал свои прежние рассказы в духе новых требований аудитории. Так, например, в рассказе *Чары шамана* фельдшер,

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ П. Инфантьев, *Этнографические рассказы: из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов...*, с. VIII.

встреченный героями во время плавания по реке Конде, не только высказывает свои соображения о причинах вымирания вогулов, изложенные Инфантьевым в предшествующих книгах очерков о путешествии к «лесным людям», но и рассказывает им несколько историй о встречах со сверхъестественным, вызванных колдовством шамана¹⁸. Мистика и фантастика в этот период были в России весьма популярны, возможно также, некоторое влияние на Инфантьева оказали рассуждения его собрата по перу Константина Дмитриевича Носилова, с которым он когда-то путешествовал по реке Конде и зимовал в вогульском пауле. В книге *У вогулов* 1904 года Носилов также размышлял о печальном положении племени, о его неведомом прошлом и «детской душе» народа, находящей исход в «мире таинственности», «которым вогул наполнил свое существование»¹⁹.

Перекличка писателей на проблемно-тематическом уровне – частое явление, особенно в сфере беллетристики. Но тем заметней различие меж ними. Инфантьев тяготел к достаточно сухому, по возможности точному документальному повествованию. Письмо Носилова, известного путешественника, первооткрывателя северных регионов России, в том числе Крайнего Севера, было романтично, экспрессивно и лирично, в его произведениях еще более, чем у Инфантьева, основным и определяющим оказывался именно личный опыт рассказчика, прямо заявляющего о себе.

Практически все беллетристы-этнографы конца века разделяли просветительско-демократическую программу русской интеллигенции. Несмотря на свою чисто литературную вторичность, они сделали чрезвычайно много для пробуждения внимания общества к положению «инородцев» в стране, для письменной фиксации и сохранения фольклорного наследия народов империи. Из записок путешественников второй половины XIX века рождалась национальная проза зырян (коми), удмуртов и др. Кроме того, отметим повышенную рефлексивность этих писателей – свое понимание того, что они делают, они обычно отражали в предисловиях к книгам, в упомянутых рецептивных вставках в нарративе, примечаниях. Фрагмент из предисловия Инфантьева прозвучал выше, а вот что писал Александр Васильевич Круглов в предисловии к своей книге о зырянах *Лесные люди*, также выстроенной в форме травелога: «Я хочу познакомиться с зырянами **обыкновенного читателя** [выделено автором – Е. С.]»

¹⁸ П. Инфантьев, *Жертва вогула: Рассказ из жизни вогулов. Чары шамана: Из путевых впечатлений в стране вогулов. Вогулы: очерк с 9 рис.*, Санкт-Петербург: издание книжного магазина П. В. Луковникова 1912.

¹⁹ К. Д. Носилов, *У вогулов: Очерки и наброски*, Санкт-Петербург: издательство А. С. Суворина 1904, с. 2–3. См. об этом: Е. К. Созина, «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв., «Quaestio Rossica» 2014, № 2, с. 193–211.

познакомить более или менее подробно, в легкой форме этнографического рассказа...»²⁰. При этом он ссылается на предшественников: в плане знакомства с зырянами это Клавдий Попов и Флегонт Арсеньев, в отношении жанрово-нарративной организации – Вас. Ив. Немирович-Данченко (его *Страна холода*). В силу своей целевой установки книга Круглова может быть отнесена к жанру, обозначенному М. Костюхиной как «этнографическое путешествие»²¹, в ней дается полное представление об образе жизни, занятиях, характере коми народа, причем это не передача впечатлений заезжего путешественника – отец писателя был зырянин, свое детство и юность он провел на Вологодчине и хорошо знал «историческую родину», поэтому путешествие к «лесным людям» не вызывает у рассказчика в книге Круглова ни романтического воодушевления, как в северных рассказах и очерках Носилова, ни переживания тягот пути и ужасов нищей жизни вогулов, как у Инфантьева. Но книга Круглова также завершается размышлением о будущем, которое может ожидать зырян, и надеждой на их просвещение и развитие в массе общерусского народа.

Таким образом, этнографическую беллетристику конца XIX века отличает от беллетристики как таковой ряд немаловажных качеств: ее установка на познание новых этномиров и их достоверное, нередко совершаемое по определенному канону описание, осуществляемое через узнавание и сравнение со знакомой читателям жизнью (чаще всего русского народа); возможная литературность и литературоцентричность, проявляющаяся, главным образом, на уровне поэтики, способов изображения, ориентированных на жизнеописание и воссоздание типовых характеров народа; примат свободной жанровой формы записок путешественника, путевых заметок и пр. видов травелога, а в целом – очерковой формы повествования, обязательно разбавляемой целостными беллетристическими фрагментами; широкое использование личного повествования, введение фигуры рассказчика, передающего личные впечатления от знакомства с народом, не исключаяющие документально точной фиксации особенностей народной жизни и природного окружения; повышенная рефлексивность и нередкая отсылка к образцам, в качестве которых выступали произведения собратьев-беллетристов. Вероятно, если ориентироваться на верхние пласты литературы, на писателей-гениев (как

²⁰ А. Круглов, *Лесные люди: Очерки и впечатления (1883 г.)*, Санкт-Петербург: издание книжного магазина Д. Ф. Федорова 1990, с. XI.

²¹ М. С. Костюхина, *Север в этнографической беллетристике для детей XIX века*, [в:] *Северный и сибирский тексты русской литературы как сверткесты: Типологическое и уникальное*, ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков, Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова 2014, с. 160–168.

назвал их когда-то В. Г. Белинский), беллетристы и очеркисты-этнографы будут представляться ремесленниками, но «обыкновенность» их талантов не препятствовала созданию произведений, важных в плане просвещения страны, выполняющих самые серьезные информативно-познавательные и воспитательные задачи, к тому же произведений, приносящих удовольствие от их прочтения и привлекавших читателей новизной изображаемых картин жизни наряду с общечеловеческим содержанием этой жизни.

References

- Chernov, Aleksandr V. *Russkaya belletristika 20–40-kh godov XIX veka: Voprosy genezisa, estetiki i poetiki*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet, 1997.
- Fokeev, Aleksandr L. *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka: Istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya*. Avtoreferat na soiskaniye uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk, Moskva: Moskovskii Oblastnoi pedagogicheskii institut, 2004.
- Gracheva, Alla M. *Russkaya belletristika 1900–1910-kh gg.: Idei i zhanrovye formy*. In: *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obschie problemy. Proza*. Moskva: IMLI RAN, 2009: 543–587.
- Gurvich, Isaak A. *Belletristika v russkoi literature XIX veka: Uchebnoe posobie*. Moskva: izdatelstvo Rossiiskogo otkrytogo universiteta, 1991.
- Infantieva, Porfirii. *Etnograficheskie rasskazy: iz zhizni tatar, kirgizov, kalmykov, bashkir, vogulov i samoedov*. Sankt-Peterburg: izdatelstvo A. F. Devriena, 1909.
- Infantieva, Porfirii. *Puteshestvie v stranu vogulov: s 25 ris., (s fotografiiyami K. D. Nosilova)*, Sankt-Peterburg: izdatelstvo N. V. Elmanova 1910.
- Infantieva, Porfirii. *Zhertva vogula: Rasskaz iz zhizni vogulov. Chary shamana: Iz putevykh vpechatlenii v strane vogulov. Voguly: ocherk s 9 ris.* Sankt-Peterburg: izdanie knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 1912.
- Kostyukhina, Marina S. *Sever v etnograficheskoi belletristike dlya detei XIX veka*. In: *Severnyi i sibirskii teksty russkoi literatury kak sverkhsteksty: Tipologicheskoe i unikalnoe*, ed. E. Sh. Galimova, A. G. Loshakov. Arkhangelsk: Severnyi (Arkticheskii) federalnyi universitet imeni M. V. Lomonosova, 2014: 160–168.
- Kruglov, Aleksandr. *Lesnye lyudi: Ocherki i vpechatleniya (1883 g.)*. Sankt-Peterburg: izdanie knizhnogo magazina D. F. Fedorova, 1990.
- Lotman, Yurii M. *Massovaya literatura kak istoriko-kulturnaya problema*. In: *Izbrannye stati*. Vol. 3, Tallinn: «Aleksandra», 1993: 380–388.
- Maksimov, Sergei. *Krai kreschenogo sveta. Merzlaya pustynya ili Povest o dikikh narodakh, kochuyuschikh s polunochnoi storony Rossii*. Sankt-Peterburg: “Obshchestvennaya polza”, 1897.
- Markovich, Vladimir M. *K voprosu o razlichenii ponyatii “klassika” i “belletristika”*. In: *Klassika i sovremennost*, ed. P. A. Nikolaev, V. E. Khalizev. Moskva: izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1991: 53–67.
- Nosilov, Konstantin D. *U vogulov: Ocherki i nabroski*. Sankt-Peterburg: izdatelstvo A. S. Suvorina, 1904.
- Puteshestviye v stranu vogulov: s 25 ris., (s fotografiiyami K. D. Nosilova)*. Sankt-Peterburg: izdatelstvo N. V. Elmanova, 1910.
- Pypin, Aleksandr N. *Istoriya russkoi etnografii: 4 t. Vol. 1*, Sankt-Peterburg: tip. Stasyulevicha, 1890.

- Romodanovskaya, Elena K. *Russkaya literatura na poroge Novogo vremeni: Puti formirovaniya russkoi belletristiki perekhodnogo perioda*. Novosibirsk: VO "Nauka", 1994.
- Sozina, Elena K. "Etnograficheskaya belletristika Yuzhnogo Urala v rossiiskoi pechati 1820–1830-kh gg.". *Filologicheskii klass*, No. 1 (2017): 47–54.
- Sozina, Elena K. "'Tselyi novyi dla menya mir': etnograficheskaya belletristika K. D. Nosilova v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.". *Quaestio Rossica*, No. 2 (2014): 193–211.